

Об одном балто-славянском архаизме: ‘3 × 9’

Олег Ф. Жолобов

This article discusses the origin of the nonary scale of notation in the East Slavic and Latvian languages. In the Balto-Slavic part of monograph “Indo-European Numerals” B. Comrie mentions that the origin of the nonary scale of notation in these languages remains vague. Now it is possible to confirm that in its general features the Slavs’ nonary scale of notation has Indo-European roots. In the ancient chronological systems a 28-day month, consisting of four 7-day weeks, is based on the moon phase change, and a 27-day month, consisting of three 9-day weeks, corresponds to the period during which the Moon passes the Zodiac circle. This opposition has its justification in the modern astrophysical knowledge, according to which three varieties of the lunar month are distinguished. On the other hand, ‘9’ is a multiplication of numerus perfectus 3. It also means the full number of counting units on different levels of the decimal scale of notation.

Сложилось устойчивое мнение о существовании особого девятичного счисления в древнерусском языке. А. И. Соболевский [1926–1927: 451–453] сформулировал этот взгляд в своих “Заметках по славянской морфологии”. Он ссылаясь на следующие примеры: в одном из древнерусских слов, обличающих русских двоеверов, говорилось, что те поклоняются “виламъ и Мокоши, упиремъ и берегынямъ, ихъже нарицають три 9 сестрениць”. Сходное чтение есть и у Срезневского: Вѣрують... въ вилы. ихже числом ꙗ̑.ѣ. сестрениць Сл. Христ. Паис. сб. (Срезн. I, 651). Кроме того, Соболевский напомнил известную формулу русских сказок — “за тридевять земель”, а также привел очень выразительные примеры с числительным “тридевять” из свадебного чина московских бояр XVI–XVII вв. по спискам “Домостроя”. Там говорится, что для новобрачных “изготовятъ 3 девять сноповъ ржаныхъ, поставятъ ихъ стоймо и на то ковер и постелю”, “(боярыня держитъ на блюдь) 3 девять лоскутовъ розныхъ цвѣтовъ камки и тафты, 3 девять пѣнязей серебряныхъ золоченыхъ малыхъ”. К девятичному счету Соболевский отнес также редкие примеры счета по 90 вроде сообщения неизвестного по имени Суздальца о пути на Флорентийский собор: “отъ Новагорода до Пскова два 90 верстъ (Малинин, Старец... Филофей, Киев 1901, приложения, стр. 82, 77)”.

Счет по девяноста встречается намного реже, нежели собственно девятичный счет. Он также не превышает уровня трех, и это, как и родство обозначающих, сближает его с девятичным счетом. На счет “по девяностам” указал в своем Словаре Срезневский (I, 650):

Домонтъ со Псковичи съ тремя девяносты плѣни землю Литовскую...
два же девяноста мужь отпровади съ полономъ въ Псковъ Новг. IV л.

6774 г.; *Девъ же девяностъ* мужь отправади съ полономъ, а во единомъ *девяностъ* самъ ся оста, жда по себѣ погони Псков. I л. 6773 г.

Срезневский дает также примеры из старинных фольклорных текстов:

Два девяноста то мѣрныхъ верстѣ промежу обѣдни и заутрени Ив. Гост. с. *Два девяноста* то мѣрныхъ верстѣ проѣхаль Иванушка въ два часа Иван. Годин.

Счет *по девяноста*, как и девятичный счет, сохраняет образность и родство с народной словесностью.

И. Поливка [Polívka 1927: 217–223] привел массу примеров девятичного счета из восточнославянского фольклора:

после полетели они за *тридевятъ* земель; замыкаю я вас *тридевятью* замками, запираю я вас *тридевятью* ключами; Пойду из ворот воротами выду я в цистоѣ полѣ. В цистом поли стрещу *тридевятъ* морь, *тридевятъ* озѣр, *тридевятъ* рек, *тридевятъ* руцьѣф, *тридевятъ* лушкоф. Как с этих морь, с этих рек, с этих руцьѣф, с этих зеленых лушкоф стекается вся вода в синѣе морѣ, так бы у моей животинки стекалось молоцько в титоцки; одизимать *тридевятъ* ячменин; уизжаеть ион у чужоя царства, у чужья пакаления у *тридиватыя* гусударства и т.д.

Лишь однажды встретилось выражение: *за два дзевять* земель.*

И. Поливка нашел сходные выражения в древнегреческих источниках и в связи с этим предположил, что восточнославянские формы заимствованы у черноморских греков, с которыми восточные славяне контактировали¹. В действительности данная формула наследует индоевропейский архаизм, так как встречается и в других индоевропейских языках, вне предполагаемой греко-восточнославянской параллели.

Б. Унбегаун [1935: 418–419] обнаружил девятичный счет в дипломатической переписке 1515–1517 гг., связанной с крымскими татарами:

одну девять поминков взял, 1516, ДСК, II, 310; а съ нимъ бы еси прислалъ ко мнѣ *девять* кречатовъ, да *девять* портищъ соболей, да *третью девять* пришли горностаевъ, 1517, *ibid.*, 445; дай ты сыну моему Алпу отъ себя *три девяти* поминковъ, 1516, ДСК, II, 274; пожаловалъ есми сына своего Алпа царевича *трема девятми*, и ты дай отъ себя сыну моему Алпу *двъ девяти*, а *третю девять* язъ ему отъ себя дамъ изъ казны, *ibid.*; проси шедъ у Ивана отъ царя Алпу царевичу *дву девяти* поминков, *ibid.*, 275; и др. В композите *тридевятъ*: и ты бы мнѣ прислалъ *тридевятъ* кречатовъ молодиковъ, 1515, ДСК, II, 156; да за *тридевятъ* поминковъ запросныхъ чтобъ было узорочье, 1517, *ibid.*, 445.

Данные примеры могут отражать тюркский обычай делать подарки-подношения из 9 различных предметов. Если это так, то он проявляется с “русским акцентом”, потому что в переписке упоминаются не просто девять различных предметов, а тридевятъ “поминков”-подарков, по девять одинаковых предметов в каждой группе².

* Кроме словенского выражения *v deveto deželo* (Прим. ред.)

¹ Например, о жертве священной роще Эвменид, которую должен был принести Эдип в Колоне, говорится: τρίς ἑννέα αὐτῆ [τῆ γῆ] κλώνας ἐξ ἀμφοῖν χερῶν τῆς εἰς Ἑλλάδας τάσδ' ἐπευχεσθαι λιτάς. Согласно легенде, пребывание Пифагора «in idäischen Grotte» длилось '3 × 9' дней: νεωομισμένα τρίς ἑννέα ἡμέραι [Roscher 1904: 63].

² Благодарю проф. И. Г. Добродомова за указание на этот обычай.

Нет следов инородности в морфосинтаксической природе выражений *одну девять*, *третью девять*, поскольку последнее сочетание обнаружено в церковно-правовом источнике — КЕ XII, 242b (см. подробнее ниже). В любом случае счет по девяти определяется здесь не особым девятичным числением, а ритуальной отмеченностью числа 9. В приведенных примерах говорится о “поминках”, т.е. дарах, преподносимых царственным особам. Дарение в этом случае выступает в качестве социально-культурной составляющей в межэтнической дипломатии. По своему ритуально-обрядовому характеру оно напоминает упомянутое подношение даров на свадьбе.

Трудно согласиться с Унбегауном, который усматривал в счете по девяти не просто типологическую параллель, а непосредственное тюркское влияние. Не выходя за рамки обнаруженных примеров, опрометчиво делать подобный вывод. Ю. Шевелев [Scherech 1952: 92] в своей книге, посвященной истории славянских числительных, отклонил это предположение Унбегауна, потому что оно не только не содержало доказательств, но и противоречило общему характеру татаро-тюркских заимствований у славян. Эти заимствования не касались духовно-религиозной сферы.

Существует и современная тюркская параллель девятичному счету. Наряду с примерами счета по пяти и по двадцати в отдельных тюркских языках, нашелся локальный пример применения счета по девяти у женщин в хазараспском говоре узбекского языка: *икки доккиз чорак* ‘18 лепешек’, *уч доккиз nätiyr* ‘27 лепешек’, а также в говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *икки доккуз* — 18) [Шербак 1977: 140]. Обращает на себя внимание бытовой, утилитарный характер этого счета. Понятно, что чрезвычайная скудность и локальная ограниченность этого материала свидетельствует в пользу заключения Шевелева и позволяет рассматривать его лишь как едва выраженную и отдаленную типологическую параллель.

Ю. Шевелев особо подчеркнул народный характер текстов с девятичным счетом и отверг какое-либо церковно-книжное влияние. Вместе с тем он привел примеры аналогичного девятичного счета в латышском, указав на его отсутствие в литовском. Шевелев предположил, что в латышском фольклоре сказалось северно-русское влияние, обусловленное соседством с псковско-новгородским регионом. Сама формальная реализация девятичного счета в латышском совпадает со славянской, и счет девятками здесь также не превышает уровня трех. С другой стороны, Шевелев не обнаружил ясных свидетельств финно-угорского влияния в распространении девятичного счета.

Ср. отдельные примеры употребления числительного *тридевятъ* в латышских заговорах, которые включены в статью Э. Олупе [1993: 130 и др.]:

“Трое мужчин бредут по морю, у всех розы в руках. Все все [розы] упали в море, утонули, исчезли, рассеялись, потонули на дне — синяя, красная, белая; другие разные — увядшие, засохшие как табачный лист. В море *тридевятъ* кузнецов, *тридевятъ* молотков, *тридевятъ* наковален: они их закуют, они их разобьют, они их засекут *тридевятью* мечами — погибли, развеялись все, как луна на ущербе, как старый гриб-дождевик” (от рожки)³;

³ “Trīs vīri brien pa jūru, visiem rozēs rokā. Visas visas iekrita jūrā, noslika, pazuda, izklīda, iegrima dibenāzilā, sakranā, baltā; citas dažādas — savītušas, sakaltušas kā tabaka lapa. Jūrā *trejdeviņi* kalēji, *trejdeviņi* āmari, *trejdeviņas* laktas: tie viņas sasītīs, tie viņas sakapās *trejdeviņiem* zobēiniem — iznīka, izputēja visas kā vecs mēnesis, ka vecs pūpēdis” (rožu vardi).

“Придут с моря *тридевят*ь молний, *тридевят*ь громов, они тебя разгромят, они тебя забьют на тридевят ь сажен, на *тридевят*ь миль в землю. Там твой отец, там твоя мать, там твои братья, там твои сестры, там ты сам, там ты внутри оставайся, вовеки наверх не поднимайся — пока это солнце, пока эта земля [существует] — без конца” (от испуга)⁴.

Компоненты числительного *тридевят*ь могут употребляться независимо, будучи объединенными композиционно. Ср.:

“*Девят*ь черных мужиков, *девят*ь вороных коней, *девят*ь черных псов — сбежались, съехались на *трех* перекрестках, меж *трех* камней. Там мужики схватили, там кони залягали, там псы растерзали [того], кто пугает моего ребенка, кто не дает ему спать”.

Латышские фольклорные источники, как было установлено, обладают чрезвычайной архаичностью. Так, латышские примеры заговоров, продолжая древнюю традицию, позволяют составить представление об индоевропейской структуре этого рода текстов (см. [Лекомцева 1993: 212 и др.]). Числа-символы в этой традиции, как и в других случаях, отражают свойства реальных объектов с постоянной структурой. В частности, числительные '3 × 9', или '27', передают **полносчетное множество** — число дней лунного месяца (см. ниже).

В своих статьях [Жолобов 2002: 300] мы приняли как данность утверждение Ю. Шевелева об отсутствии топоса '3 × 9' в литовском языке при распространении его в латышских источниках. При перепроверке этого вывода выяснилось, что он совершенно безоснователен. Важное место в литовской традиции занимало божество плодородия Самбарис, которое связано с праздником *Sambarios* или *Saborios*, называемым также “**трижды девять**” [Мифы 1997: II, 398]⁵. Он так мог называться потому, что на праздник “каждый земледелец набирал по *девят*ь полных пригоршней зерна разных сортов... и разделял каждую на *три* части. После этого *двадцать семь* кучек зерна разного сорта ссыпали в одну и перемешивали...” [Фрэзер 1998: 503–504]. Описание праздника было дано в XVIII в. М. Преториусом. Оно приводится также у Дж. Фрэзера.

Славянский ареал распространения числительного *тридевят*ь вовсе не ограничен восточнославянской областью. Есть его следы у западных славян, в польских источниках (SP III, 91). Образ '3 × 9' засвидетельствован в западнославянском языческом ритуале: “при гаданиях вороного коня Триглава трижды водили через девять копий, положенных на землю” [Мифы 1997: II, 524]. Согласно недавней публикации, числительное *тридевет* встречается в юго-западных болгарских говорах, а в других фольклорно-диалектных болгарских материалах употребляется композит *тришдевет* [Витанова 2001: 15–16]⁶. Эти примеры позво-

⁴ Здесь точнее было перевести *трижды девять*. См.:

“Nāks no jūras *trīsreiz deviņas* zibenes, *trīsreiz deviņi* pērkonī: tie tevi spers, tie tevi sitīs pa *trīsreiz deviņi* asi, pa *trīsreiz deviņi* jūdži iekš zemes. Tur tavs tēvs, tur tava māte, tur tavi brāļi, tur tavas māsas, tur tu pats, tur tu iekšā paliec, mūžam augšā necelies, — kamēr šī saule, kamēr šī zeme — bez gala” (izbīļa vārdi).

⁵ Благодарю проф. П. Дини за подтверждение принадлежности этого праздника литовской традиции и указание на соответствующую словарную статью.

⁶ Ср., например:
(*Гюргя самовила*)

Ми прѣвела тридевет ѝзвори
И однесла долу в рамно поле;

ляют усматривать в случаях использования подобных числовых выражений продолжение общеславянской праформы.

В ряде этимологических словарей числительное *девлность* трактуется как праславянская диалектная инновация. Отмечается, что данное числительное — след древнего счета девятками, так что *девлность* должно пониматься как “девятная сотня” (SP III, 88; НРЭ I, 73–75). Как было показано в работе Л. Хонти [1989: 159–164], для этого предположения нет надежных оснований.

В балто-славянском разделе монографии “Indo-European Numerals” Б. Комри [Comrie 1992: 722], подводя итоги многолетних исследований, отмечает, что происхождение “нональной” системы счисления в восточнославянских языках и в латышском остается неясным (ограничение девятичного счисления восточнославянскими и латышским языками, вероятно, вызвано опорой на работу Шевелева).

Вопреки этому взгляду, следует заключить, что девятичного счисления не существовало, а девятичный счет был ограничен и не переходил троекратного рубежа ($3 \times$). Этот счет у славян имеет индоевропейские корни. Числительные ‘7’ и ‘9’ у древних индоевропейцев варьируют, поскольку выражают “**конкурентные формы членения временного континуума** — в частности, промежутки лунного календаря [Roscher 1904: 73 и др.]. В древних хронологических системах 28-дневный месяц, состоящий из четырех 7-дневных недель, основывается на смене лунных фаз, а 27-дневный месяц, складывающийся из трех 9-дневных недель, соответствует периоду, в течение которого Луна проходит зодиакальный круг⁷. В целом это противопоставление находит поддержку в современных астрофизических представлениях, согласно которым различают три разновидности лунного месяца [Берри 1904: 66–67; РЭС 2001: 937]: а) синодический месяц — период смены лунных фаз, равный 29,5306 средних солнечных суток; б) сидерический месяц — время полного оборота Луны вокруг Земли относительно звезд, равный 27,3217 суток; в) драконический месяц — промежуток между двумя последовательными прохождениями Луны через один и тот же узел орбиты, равный 27,2122 суток⁸. “... Куда ни проникает взгляд хронолога, он везде обнаруживает именно лунное счисление в основе первичного календаря” [Идельсон 1925: 93]⁹.

Отмеченная Рошером конкуренция двух хронотипов в действительности могла означать противопоставление “фазового” и “звездного” месяцев как **хозяйственно-бытовой и ритуально-магической календарных систем**. О ритуально-магической природе звездного месяца явственно свидетельствует западносла-

Мие бѣфме трыдѣвет мѣмчин’а

Иа чувафме гѣра Богдѣнов;

Той съ чул прочул прис трыдѣв’ѣт кѣдѣлѣкъ,

тѣ му съ пратили трыдѣв’ѣт желти бѣклички.

⁷ Впрочем, и фазовый подход мог приводить к троичному членению лунного цикла. Ср. выделение трех фаз в заговоре:

на новом месяце и на ветхи месяце, и на перекрое месяце, во вся межженные дни, не могла бы она, раба Божия Н., без меня раба Божия Н., ни жить, ни быть РусНар, 251.

⁸ А. Берри [1904: 67] приводит знаки, которые издавна использовались для обозначения узлов орбиты Луны. Любопытно заметить, что они очень напоминают глаголические буквы веде и добро.

⁹ “Вероятно, в незапамятные времена было уже замечено, что период чередования лунных фаз, т.е. новолуния, первой четверти, полнолуния и последней четверти продолжается приблизительно 29½ дней; равным образом, что приблизительно через 27½ дней Луна обойдя все небо, вновь возвращается к той же звезде” [Идельсон 1925: 94].

В то же время следует иметь в виду, что ‘9’ имеет особую природу. Оно обозначает **полное число** счетных единиц на разных уровнях **десятичного счисления**. Поэтому в древнегреческом счетном инструменте — абаке — счет, находясь в границах десятичного счисления, фактически велся с помощью девяти камешков (бобов, косточек и под.) на разных уровнях этого счисления¹¹. Действительно, единиц в десятичном счете — 9, десятков — 9, сотен — 9 и т.д. Более чем явно эта особенность десятичного счисления проявилась в греческой, а затем и в греко-славянской письменной традиции. В греческой и славянской системах цифровых обозначений ровно 27 знаков, которые разбиваются на 3 группы по 9 знаков в каждой. См.:

Первые девять знаков — единицы	
1	α' · ᾶ.
2	β' · ῀.
3	γ' · ῂ.
4	δ' · Ᾰ.
5	ε' · Ὶ.
6	ς' · ῔.
7	ζ' · ῖ.
8	η' · ῠ.
9	θ' · ῡ.

Вторые девять знаков — десятки	
1	ι' · ῥ.
2	κ' · ῗ.
3	λ' · Ῑ.
4	μ' · Ί.
5	ν' · ῝.
6	ξ' · ῟.
7	ο' · ῡ.
8	π' · ΰ.
9	Ϛ' · ῤ.

Третьи девять знаков — сотни	
1	ρ' · Ὶ.
2	σ' · ῔.
3	τ' · ῖ.
4	υ' · Ῐ.
5	φ' · Ὶ.
6	χ' · ῜.
7	ψ' · ῞.
8	ω' · ῠ.
9	Ϙ' · ῡ.

В том, что кириллица точно следует за греческой цифирью, и в том, что она распространилась, несмотря на существование глаголической письменности, нельзя не видеть свидетельств опережающего усвоения славянами греческой буквенной цифири по сравнению со звуковым алфавитом. Существуют и “документированные свидетельства использования цифровых записей” уже в середине и во второй половине X в. в Тамани и Белой Веже, “где Русь тесно соприкасалась с византийским миром и Хазарией” [Медынцева 2000: 245]. Этому есть и любопытная параллель, которая уже приводилась, — опережающее развитие цифровых обозначений в древнейших системах письменности и, таким образом, производи-

достаточного внимания, остановившись на Велесе, как только на скотьем боге. “Велес и месяц, — говорил Квашнин-Самарин, — имеют много точек соприкосновения. Рогатый месяц прямо просился в бога скота, загадки даже называют его лысым волком. Пастухи, кочующие в поле, к кому должны были обращаться с молитвой о своих стадах, если не к месяцу? Сравнение месяца с пастырем, а звезд с овцами самое естественное, и действительно употребляется в народе...”

¹¹ Можно представить пальцевый счет, также основанный на девяти. Правая рука в этом случае могла бы воплощать “первую девять” в бинарном разбиении: ‘5’ (“большой” палец) и амбивалентные ‘4’ (“указательный” палец — 1 и 5 + 1, “средний” палец — 2 и 2 + 5, “безымянный” палец — 3 и 3 + 5 и “мизинец” — 4 и 4 + 5. Пальцы левой руки тогда передавали бы состав “второй девяти”, т.е. обозначали бы десятки с аналогичной бинарной разбивкой. Ср. у Даля (III, 11): *Онъ пальцамъ счету не знает; Съ пальцемъ девять!* говр. остряки, подавая руку. Ср. сербохорватские фоновые для реконструкции иллюстрации: числительное ‘9’ в народной речи может обозначать неопределенное большое число; употребляются выражения *ni pet ni devet* ‘сейчас, не откладывая’, *pet za devet dati* (nekome) ‘обмануть’ (см. SP III, 91).

рующий характер цифири по отношению к самой письменности. Не случайно в древнеславянской лексеме *чисти*, имеющей индоевропейское происхождение, со- вмещались значения 'считать', 'читать', 'ценить, почитать' (Срезн. III, 1525–1526).

В связи с вышеизложенным было бы естественно ожидать, что начальная глаголица будет содержать число буквоцифр, кратное 9. Этим условиям удовлет- воряет начальный глаголический алфавит, который был реконструирован Н. С. Трубецким [Trubetzkoy 1954: 22]: в нем 36 буквоцифр. Однако этот состав не за- крепился, потому что возникновение глаголицы обязано обстоятельствам, далеко превосходящим потребности в составлении счетных записей. В трактате Храбра говорится, что славянский алфавит содержит 38 букв:

и съгтворн имъ, ѿ писмена и осмь Храбр к. IX – н. X сп. 1348, 101 об.

Как известно, для обозначения тысяч, десятков и сотен тысяч в греко-сла- вянской азбуке использовались обозначения первых трех разрядов, дополненные особыми значками. Таким образом, с помощью 27 знаков удавалось передать сколько угодно большие числа. Совпадение структуры греко-славянского алфа- вита с традиционным символическим выражением '3 × 9' не могло не сознавать- ся. Традиционная символика этого числового выражения в азбучной цифири не- минуемо получала новую форму воплощения. В буквенной цифири символика полносчетного множества приобретала завершающий характер в идее исчерпан- ности количественного ряда. Сакрально-магическая природа алфавита отложи- лась в композиционной фигуре акростиха.

В Древней Руси была известна сакрально-магическая символика 27-буквен- ной греко-славянской азбуки. Яркий пример тому один из наиболее древних абе- цедариев, записанных на стене киевской Софии в XI в. Найден он был и впервые описан С. А. Высоцким [1976: 12 и след.], а недавно вновь рассмотрен А. А. За- лизняком [1999: 555–558], который указал на его "четко осязаемый сакральный характер". В этом греко-славянском алфавите лишь 27 букв, и поэтому он не мог использоваться по своему прямому назначению — как перечень знаков для за- писи славянской речи. В алфавите 24 буквы греческие, а 3 — славянские — **Ѣ**, **Ж**, **Ш**. Причем греческая буква пси записана сходно со славянской буквой шта. Сла- вянские буквы заменяют отсутствующие греческие буквы стигма, коппа и сампи, которые имели лишь цифровое значение и в обычную греческую азбуку не вклю- чались. Алфавит начинается с альфы (по-славянски *азѣ*) и заканчивается омегой (по-славянски *омѣ*), являясь сакрально-символической отсылкой к стиху Апо- калипсиса (1, 8)¹²: **Азѣ ѣсмь ѡлфа и ѡмега, начѡтокъ и конѣцъ, глѣтъ гдѣ, сѡн, и иже бѣ, и градый, вседержитель**. 27-буквенный греческий алфавит использовался в особо торжественных случаях, когда на первый план выступала **идея полноты-плеромы**.

А. А. Зализняк объясняет появление трех славянских букв в азбуке следую- щим образом: писавший хорошо знал само число букв в торжественной греческой азбуке — 27, поэтому выписав обычный 24-буквенный алфавит, он добавил к нему еще 3 буквенных обозначения, и, поскольку буквы стигма, коппа и сампи имели маргинальный характер, он заменил их полноценными славянскими буквами **Ѣ**, **Ж** и **Ш**. Главное здесь — признание несомненной нацеленности на число 27. Одна-

¹² См. несколько иной перевод: Азѣ ѣсмь ѡлфа и ѡ · глѣтъ г(с)ѣ бѣ · иже сѡи · и ѣже бѣ · и градый вседер- жите(л) НЗЧ 1354, 149а: Откр. 1, 8.

ко замена букв по легкомысленной прихоти не согласуется с тем, что писавший, будучи образованным человеком, выписывал азбуку с весьма благоговейными и серьезными намерениями. Если согласиться с утверждением А. А. Зализняка, что в древнеславянском сознании греческий алфавит не отделен от славянского, то стремление писавшего достичь числа 27 становится особенно знаменательным, потому что греко-славянский алфавит давал ему большую свободу в выборе количественного состава азбуки. Три славянские буквы, которыми он ограничился, в таком случае подчеркивают не просто нацеленность на число 27, а сигнализируют о трехчастном членении алфавита: '27' = '3 × 9'.

В целом славянские примеры девятичного счета, восходя к одному прототипу, могут обнаруживать рано сложившуюся полимотивированность обозначения '3 × 9', которая подкреплялась **новыми культурными влияниями** в письменную эпоху¹³.

А. А. Зализняк [1993: 105] полагает, что числительное *тридевятъ* не может обозначать точного количества (например, 27). Это "мифологизированное обозначение некоего большого количества, соединяющее в себе сакральные свойства числа девять и числа три"¹⁴. Это не совсем верно. Сохранилось немало число примеров, где, не теряя своего мифологизированного характера, это числительное передает точную арифметическую величину — 27 (выше некоторые примеры были приведены). В восточнославянской мифологии сохраняется связь данного числительного с конкретным счетом, который имел ритуально-магический характер. Вот еще один выразительный пример:

"В поморье Кемского уезда, перед возвращением промышленников с Мурманского берега домой, бабы целым селением отправляются к морю молить ветер, чтобы не серчал и давал бы льготу дорогим летникам... На следующую ночь, после богомолья, все выходят на берег своей деревенской реки... и стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь 3 × 9 плешивых из знакомых своих в одной волости и даже в деревне, если только есть возможность к тому. Вспоминая имя плешивого, **делают рубеж** на лучинке углем или ножом; произнеся имя последнего, 27-го, нарезают уже крест. С этими лучинами все женское население деревни выходит на задворки и выкрикивает сколь возможно громко. «Восток, да обедник, пора потянуть! Запад да шалоник, пора покидать! **Тридевятъ** плешей все **сосчитанные, пересчитанные**; востокова плешь наперед пошла»..." РусНар, 315–316.

В рассмотренном случае присутствуют "черты-резы", которые применялись в календарных расчетах, а также ясно проявляется субституционная связь этих расчетов с определенными персонажами, которым придавалась в счете магическая функция.

Итак, символическое значение данного числительного в мифологической традиции состояло в следующем: числительное '3 × 9', или '27', восходящее к счету дней сидерического (звездного) месяца, **воплощало идею полносчетного**

¹³ В латышском фольклоре архаичная индоевропейская традиция девятичного счета в позднем средневековье причудливо переплелась с каббалистической практикой (см. [Лекомцева 1993]).

¹⁴ Очень близкая характеристика содержалась в нашей статье [Жолобов 2001: 105–106].

множества, которое обладало магической силой, вобравшей в себя магические возможности каждого из 27 его “ангелов-покровителей”.

Необходимо заметить, что о девятичном счете можно говорить лишь весьма условно. **Функционально он не сопоставим** с абсолютно господствующим десятичным счислением. Поэтому указания на девятичный счет как альтернативную по отношению к десятичному счету систему счисления не могут быть приняты. Хотя девятичный счет означал наличие у числительного *девять* всех трех числовых форм, употребление множественного числа было ограничено лишь конструкцией с числительным *три*. Композиты “тридевятый” и “тридевятъ” фиксирует этот верхний уровень девятичного счета. Девятичный счет, в отличие от десятичного, опирается только на целые единицы. Им может быть обозначено лишь количество, кратное 9. Сам счет девятками связан с морфосинтаксической моделью, почти не известной в десятичной системе: *первая девять, вторая девять, третья девять*. Как и в исходном сочетании *три девяти*, счет в последнем случае не выходит за границы трех. В отличие от этого сходный пример: *десять соугубаи и трик моученици* Kond (a₁) XII, 101b — является риторически окрашенным выражением, а не общепринятой формой счета¹⁵.

Развитие девятичного счисления может показаться естественным в свете этимологии числительного *девять*. Индоевропейское числительное **newn̥*, как предполагается обычно, содержит корень со значением ‘новый’. Оно обозначает новый числовой ряд в четверичной системе счисления, если только соглашаться с ее реконструкцией. Однако тема нового числового ряда, открываемого числом 9, у балтов и славян, как и у других индоевропейцев, не имела ясного продолжения. В балто-славянском употреблении числительное *девять* из-за подчинения своего звукообраза следующему числительному особенно явно играет служебную роль промежуточного звена в новой десятичной системе счисления.

Одно из наиболее древних свидетельств девятичного счета — новгородская берестяная грамота № 715, которая датируется первой половиной XIII в.:

**ТРИДЕВА<Т>О АНЕЕЛО ТРИДЕВА АРОХАЕЛО
ИЗБАВИ РАБА ЖЕА МИХЕА ТРАСАВИЧЕ
МОЛНТВАМИ СВАТЪЯА БОГОРОДИЧА**

Как было отмечено А. А. Зализняком [1993: 104; 1995: 428], грамота представляет собой древнейший восточнославянский заговорный текст, а берёста с записью могла использоваться в качестве науза.

Сакраментальные числа грамоты 3 и 9 напоминают о нумероформах. Подобную нумероформу, по существу, представляет собой исчисление ангельских чинов, которое в изложении Псевдо-Дионисия Ареопагита складывается из трех триад и в котором *начала, архангелы и ангелы* составляют седьмой, восьмой и девятый чины небесной иерархии (ДионАреоп XV₁, 37в)¹⁶. Однако в приведенном

¹⁵ Выражения вроде: *въ осмьмь десяти · ти четвертьмь псалмь* Злат XII, 92 об. — связаны совсем с другим значением — с образованием порядковых числительных.

¹⁶ В фольклорной заговорной традиции ангелология представлена довольно развернуто. Ср.:

Близ меня Христос и вся сила небесная: Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил, архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, Господни силы и нерушимо страшные серафимы, и святые ангелы — хранители преданные мне на собоюдение души и телу моему от святого крещения РусНар, 260; Здесь начальники сил небесных: Михаил, Гавриил и Уриил, и Рафаил, Херувимы и Серафимы и все небесные силы 283.

тексте числительные '3 × 9' не связаны с учением о небесной иерархии и со всей очевидностью выражают другие интенции¹⁷.

Числительное '3 × 9' восходит к дохристианской традиции, являясь индоевропейским архаизмом (таким же, как, например, дуалис). Оно выполняет в ГрБ № 715 ритуально-магическую функцию, обозначая полносчетное, плероматическое множество¹⁸. Автор использует, кроме того, парную формулу *ангелы и архангелы*, что обычно для народно-мифологической традиции, где удвоение имеет функцию сакральной "идеализации" (см. [Жолобов 1997: 203])¹⁹. В древнерусской книжной письменности это именование обычно входит в троичный словесный ряд²⁰:

ноужда и *ангеломъ* тоу быти · и *архангеломъ* и *въсьмъ нѣбсьнымъ силамъ* Злат XII, 21 об.; *ѣгда* придетъ соудии · *ѣгда* прѣдъстанеть *всѧ* *вселе-ныѧ* *ѣгда* оузримъ *англы* и *арханглы* и *многоразличныѧ чины* и *те-ченик* и *въсхищениѣ* по *облакомъ* 58 об.; *Всѧ нѣбсьныѧ силы стѣи ади арханглы* молитѣ бѧ за ны грѣшныѧ СбЯр XIII₂, 212 об.

Книжная количественная формула основана на обозначениях максимально большого количества и восходит к чтению из пророчества Даниила 7, 10²¹:

рѣка *Огненна течаше* *исходѧщи прѣд нимъ*: *тысяща* *тысящъ* *свѣжѧхъ ѣмѣ*, и *тмы темъ* *предстоѧхъ ѣмѣ*: *сѣднице сѣде*, и *книги* *Ѡверзошасѧ*.

Ср. (выражение *тысящу* *тысящи* грамматически бессмысленно):

тѣхъ ради *сребрникъ тмы тьмами англы* · и *тысящу* *тысящи* *арханглы* бысть врагъ СБУ XII/XIII, 218в.

Образ "тридевяти" как плероматический символ обнаруживают греко-византийские церковно-юридические тексты, откуда он проник в древнерусскую письменность. Числительное *тридевять* содержится в переводном тексте XII в. — Ефремовской Кормчей. Здесь встречаются следующие формы:

три девѧти... лѣтъ 242b (греч. τρίς ἐννέα... ἐνιαυτοί); *въ третью же де-вѧть* (греч. ἐν δὲ τῇ τρίτῃ ἐννάδι / ἐννεάδι) Там же²².

Парная формула вне ряда других обозначений встретилась однажды:

Ангел мой, архангел мой, сохрани душу мою 276.

¹⁷ Составитель заговора отвлекается от христианско-ветхозаветной традиции, согласно которой число архангелов равно семи, а имена трех из них общеизвестны — это Михаил, Гавриил, Рафаил (см. [Мифы 1997: I, 110]).

¹⁸ Ср. топос счета в фольклорной заговорной традиции:

и упрашиваю и умаливаю по числу херувимов и пасущих мя, по числу серафимов, стерегущих мя, и замкните меня... в роде сем от злых человек РусНар, 270.

¹⁹ Термин "идеализация" (сказочная, эпическая и т.д.) по отношению к гениадису или парным формулам принадлежит А. А. Потебне [1968: 418].

²⁰ Издревле известен весь ряд ангельских чинов:

не тѣкмо легѣоны · ны тѣмъ тѣмами и тѣжшѧ тѣжшѧми · нмы аггѣлы и архангѣлы · властин владѣчѣствни · господѣствни силъ и прѣстоълъ · шестокрилатѣць многоочитѣихъ Супр, 98.

²¹ См. в древнерусской письменности:

и рѣка огненѧ прѣд нимъ идѧше · тысяща тысоущи прѣстоѧхоу прѣд нимъ · и тмы тьмами слоужахоу ѣмоу · соудии сѣде · и кѣниги Ѡвьрьзошасѧ СБУ XII/XIII, 276а.

²² См. KE XII, 242a–243a:

ѣгда кѣто съплетисѧ которою сила же и биемъ · нанести нѣ на коѣго оударениѣ · роучныѧ ради раны · ѣдиною бо гнѣвѣмъ и стрѣмленіемъ ярости · Ѡлоучивъ ничѣто же бы · чрѣсы врѣмѧ страсти Ѡсѣщи зѣлоѣ · могоущихъ · на оумъ прииметь · тако и ѣже Ѡ плетениѧ · сѣвршениѣ

Славянский перевод во всем фрагменте довольно невнятен. Из греческого текста явствует, что убийство может быть искуплено в “трегубый” срок, где каждая из трех ступеней длится девять лет. В первые девять лет совершивший преступление лишается церковного общения, во вторые девять лет ему может быть дозволено лишь стоять в притворе с оглашенными, в третью “девятерицу” (в греч. здесь существительное) он допускается к общей молитве и причастию. Таким образом, здесь составное числительное *три девати* обозначает реальное число 27. Однако эта реальная величина является и величиной идеальной, которая символизирует плероматическое множество.

В данной юридической статье указано также, что срок в девять лет на каждой из трех ступеней может быть сокращен до восьми, семи и т.д. лет при скором исправлении провинившегося. Это только подчеркивает особый характер исходной величины, символизирующей хронологическую полноту. Символический характер сроков наказания в КЕ XII выступает особенно отчетливо в их непрямом трехчастном делении.

Непростым вопросом является грамматическая интерпретация числительных, встретившихся в ГрБ № 715. В первом случае в подлиннике грамоты не читается одна буква. А. А. Зализняк предлагает конъектуру *тридева<t>o* [1993: 105] и *три дева<t>o* [1995: 428]. Хотя на фоне последующего *тридева* или *три дева* здесь было бы возможно допустить другое чтение — *тридева <?>o* или *три дева <?>o* (или, например, *тридева <b>o...*).

В работе 1993 г. А. А. Зализняк исходит из композита *тридева*то (т.е. *тридева*ть в традиционной орфографии) и *тридева*. Он усматривает в этих формах фонетические диалектные черты — отверждение [т’], а затем и вовсе его отпадение. Здесь смущает то, что эти фонетические правила созданы специально для отдельных словоформ числительных, в то время как за рамками числительных данные фонетические правила не действуют. Так, например, в 3 л. презенса появление флективного *-тъ* вместо *-ть* отмечается в единичных случаях лишь с середины XIV в. Отпадение конечного *-тъ* в числительных Зализняк усматривает в примерах, которые, как уже было отмечено выше, соответствуют исконным формам и являются грамматическими архаизмами: *дѣва* рѣзно ГрБ № 621 (50 XII–10 XIII); *пѣтъ* на *деса* дежекъ овьса № 219 (XII/XIII) и под.

В монографии “Древненовгородский диалект” здесь восстанавливаются составные числительные *три дева*то и *три дева*. Интерпретация форм усложняется, потому что, исходя из исконного *три дева*ти, автор вынужден констатировать утрату флексии (!) ИП *-и*. Идентичные фонетические изменения Зализняк усма-

оубиства · въ дѣло изволеніа · а не на полоученіе възводити · невольнии же ꙗвлена ꙗ имоуть · съказаніа · ꙗгда кѣто кы иномоу коѣ потыщаниѣ имѣа · ѿ нелоченіа нѣчто неицѣльныхъ · сътворити на сихъ оубо оубиство · на тръгоубо лѣто (εις τριπλασίονα χρόνον) простираеться · обращениѣмъ цѣлациимъ вольныа сквьрны · **три девати** бо лѣтъ · (τρεις ἐννέα γὰρ ἐνιαυτοί) въ кыиждо чинъ · **дева**таго лѣтъмъ заповѣданомъ · (ἕκαστον βαθμὸν τῆς ἐννιάδος τῶν ἐτῶν ὀρισθείσης) ꙗко въ ѿлоучениѣ оубо ѿноудъ · ꙗдино лѣто быти · възбраняемоу ѿ цркъве · дроугаа же толика лѣта въ притворѣ да стаеъ съ оглашеными и да послушаа оучениа исходить · и съ людьми въноутрь цркъве съподобеться · и съ оглашеными не исходить · **въ третию же девать** · (ἐν δὲ τῇ τρίτῃ ἐννιάδι) съ обращениѣмъ молящюа · тако прити къ причастию освѣщенныхъ · ꙗвѣ ꙗко и на таковѣмъ съблудениѣ боудеть · ѿ сьмотрѣщааго цркъвѣ · и къ словоу ѿбращениа раздѣлиться ꙗемоу запрѣщениѣ простьрениа · ꙗко въ **девати** лѣтъ 243а мѣсто · на коѣмъждо чиноу осмоѣ или семоѣ · или шестоѣ · или пѣтоѣ · ꙗдинѣмъ быти · нежели велиист[в]о обращениа одолѣть върѣмени.

тривает в другом составном числительном: поло третьиа дьсато гривню сьрѣбра ГрБ № 61 (30–60 XIII). Здесь выстраивается следующая цепь фонетических изменений: (поль третья) десате > (поль третья) десать > (поль третья) десатѣ; три девати > три девать > три девато. Эту фонетическую интерпретацию принять трудно. Дело в том, что составное числительное *поло третьиа дьсато* имеет прозрачное грамматическое объяснение. Это морфосинтаксическая инновация — обобщение модели составных числительных — большого количественного типа (*пять десатѣ, шесть десатѣ*). Ср. эту же морфологическую инновацию в чуть более позднем источнике той же диалектной принадлежности:

пришли бо бѣхоу въ полоу шеста дьсатѣ шнекъ ЛН XIII₂, 32 об. (под 1164 г.); слоуживъшоу ѣмоу Ѹ стго иакова поль пята дьсатѣ лѣ(т) 48 об. (под 1188 г.).

Идентичную морфосинтаксическую инновацию допустимо видеть в числительном *тридевято* (т.е. *тридевятѣ* как *пятьдесатѣ*)²³ — рядом с иным вариантом — числительным *тридевя*, которое происходит из сложения. Хотя возможно вернуться и к раннему предположению А. А. Зализняка об исходном композите *тридевятѣ*, в котором конечный согласный отвердел. Ср.: *пять* кнѣ ГрБ № 219 (XII/XIII), где, впрочем, ѣ может быть опиской (см. [Зализняк 1995: 365]). Числительное *тридевя* представляет сложение, в котором использован архаизм *девя*, при том что глубоким архаизмом является и сам тип числового выражения ‘3 × 9’. Появление форм *тридесать*, *тридевятѣ* можно объяснить и морфологической аналогией со стороны простых числительных *пять* – *десать*. Выражение *три девя*, вероятно, воспринималось бы как ‘три и девять’, а не ‘тридевятѣ’. Во всяком случае, фонетическая редукция *-и* и звуковой переход *три девати* в *три девать* и далее в *три девя* не могут быть приняты, потому что *-и* выражает падежно-числовое значение, а его утрата разрушает нормальные грамматические связи в тексте.

Итак, можно подвести итоги. Благодаря находке новгородоведов, в ГрБ № 715 (XIII₁) обнаружены наиболее ранние примеры числительного ‘3 × 9’: *тридевятѣ* и *тридевя*. Собственно фонетическое истолкование этих словоформ вызывает сомнения, более реалистичным представляется решение, опирающееся на морфосинтаксические параметры. Есть основания полагать, что данные числительные являются сложениями, как и закрепившееся в поздних источниках числительное *тридевятѣ*.

Вопреки распространенной точке зрения, числительное *тридевятѣ* не является остатком особого девятичного счисления, которого, судя по всему, не существовало. Нельзя говорить о девятичном счислении там, где допустимо вести речь лишь об ограниченном счете по девяти, имевшем ритуально-магический характер. В то же время данное числительное нельзя отождествлять и с обычным совмещением двух сакральных чисел, не обозначающим точного количества.

²³ Ср. в позднедревнерусском источнике: семь же недѣль бе соуботъ и недѣль бываеъ · тридесатѣ и пять дѣи ПНЧ к. XIV, 194г.

Источники

- ГрБ (+ номер грамоты) — Новгородские грамоты на бересте // Зализняк 1995, 223–573.
- ДионАреоп XV₁ — Псевдо-Дионисий Ареопагит “О небесном священноначалии” по рукописи первой половины XV в. // Громов М. Н., Мильков В. В. Идеейные течения древнерусской мысли. СПб., 2001.
- Злат XII — Златоструй. Рукопись РНБ, Ф. п. I. 46 (по фотокопии).
- КЕ XII — В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I, вып. 1–3. СПб., 1906–1907.
- КН 1285–1291 — Новгородская кормчая. Рукопись ГИМ, Син., № 132 (по фотокопии).
- ЛН — Новгородская харатейная летопись / Издано под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1964: ЛН XIII₂ — л. 1–118 об.
- НЗЧ 1354 — Neues Testament des Čudov-Klosters (Phototypische Ausgabe von Leontij Metropolit von Moskau, Moskau 1892, mit einer Einleitung herausgegeben von Werner Lehfeldt). Köln; Wien, 1989; Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М., 2001.
- Пал 1406 — Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1–2. М., 1892–1896.
- ПНЧ к. XIV — Пандекты Никона Черногорца. Рукопись ГИМ, Чуд. № 16 (по фотокопии).
- РусНар — Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Кн. 1. М., 1996.
- СБУ XII/XIII — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- СБЯр XIII₂ — Сборник молитв, Ярославский музей-заповедник, № 15481 (по фотокопии).
- Супр — Супрасльская рукопись Труд Сергея Северьянова / Памятники старославянского языка. Том II, вып. 1. СПб., 1904.
- Храбр к. IX — н. X сп. 1348 — “О письменех черноризца Храбра” по среднеболгарской рукописи 1348 г. // Н. Каринский. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам. Ч. 1: Древнейшие памятники. СПб., 1911.
- Kond — Der altrussische Kondakar': Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižegorodskij Kondakar' / Hrsg. von A. Dostál und H. Rothe. T. III: Das Kirchenjahr 1. September bis November. Giessen, 1977; T. IV: Das kirchenjahr 2. Dezember bis März. Giessen, 1979; T. V: Das Kirchenjahr 3. April bis August. Giessen, 1980.
- Kond (a₁) к. XII — Кондакарь. Рукопись РГБ, ОИДР 107 // Kond.

Словари

- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб., 1996.
- НРЭ — Новое в русской этимологии. I. М., 2003.
- Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. Fr. Sławskiego. T. 1–7. Wrocław etc., 1974–1995.

Литература

- Баранкова Г. С. Об астрономических и географических знаниях // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1978. С. 48–62.
- Берри А. Краткая история астрономии. М., 1904.
- Витанова М. Следи от бройни системи, различни от десетичната, в българските говори // Българска реч. Година VII/2001, книга 3. С. 14–17.
- Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. XI–XVII вв. Киев, 1976.
- Жолобов О. Ф. Очерк теории гендиадиса (к описанию древнеславянской нумерологии) // Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts. Frankfurt/Main etc., 1997. С. 195–207.
- Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопр. языкознания. 2001. № 2. С. 94–109.
- Жолобов О. Ф. Древнерусский счет: деся, наця, тридевя... // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. No. 3. С. 293–310.
- Зализняк А. А. Древнейший восточнославянский заговорный текст // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993. С. 104–107.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк А. А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова, М., 1999. С. 543–576.
- Идельсон Н. История календаря. Л., 1925.
- Лекомцева М. И. Семиотический анализ одной инновации в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993. С. 212–226.
- Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М., 2000.
- Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 1997.
- Олупе Э. Формула уничтожения в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993. С. 128–139.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III: Об изменениях значения и заменах существительного. М., 1968.
- РЭС — Российский энциклопедический словарь. Кн. 1. М., 2001.
- Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Часть I // Историко-астрономические исследования. Вып. VII. М., 1961. С. 71–128.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Том 1. М., 1995.
- Соболевский А. И. Заметки по славянской морфологии // Slavia. 1926–1927. V. С. 451–455.
- Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1998.
- Хонти Л. Заметка по этимологии русского числительного девяносто // Этимология. 1986–1987. М., 1989. С. 159–164.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977.
- Comrie B. Balto-Slavonic // Indo-European Numerals / Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Vol. 57. Berlin; New York, 1992. P. 717–833.

- Numbers // Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. IX. Edinburg, 1961. P. 406–417.
- Polívka J. Les nombres 9 et 3×9 dans les contes des slaves de l'est // Revue des études slaves. 1927. VII. P. 217–223.
- Roscher W. H. Die Sieben- und Neunzahl im Kultus und Mythus der Griechen / Abhandl. d. K. S. Gesellsch., d. Wissensch., phil.-hist. Kl. XXIV, 1. Leipzig, 1904.
- Šerech Ju. Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen. Lund, 1952.
- Trubetzkoy N. S. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954.
- Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). La flexion des noms. Paris, 1935.

Towards a Baltoslavic Archaism: ‘3 x 9’

Oleg F. Žolobov

In the Balto-Slavic part of the monograph “Indo-European Numerals” B. Comrie, summing up the results of his long-term investigation, mentions that the origin of the nonary scale of notation in the East Slavic and Latvian languages remains vague (perhaps, the limitation of the nonary scale of notation to the East Slavic and Latvian languages is caused by the fact that his investigation is based upon the research work by Shevelev).

Now it is possible to confirm that in its general features the Slavs’ nonary scale of notation has Indo-European roots. The ancient Indo-European numerals ‘7’ and ‘9’ vary because they express the “rival” forms of the time continuum division and the lunar calendar intervals, in particular. In the ancient chronological systems a 28-day month, consisting of four 7-day weeks, is based on the moon phase change, and a 27-day month, consisting of three 9-day weeks, corresponds to the period during which the Moon passes the Zodiac circle. This opposition has its justification in the modern astrophysical knowledge, according to which three varieties of the lunar month are distinguished. The mentioned rivalry of the two chronotypes could mean the opposition of the “phase” and “celestial” months as householding and everyday life systems and as a ritual-magical calendar system.

On the other hand, ‘9’ is a multiplication of numerus perfectus 3. That is why the “magical formulas”, which were accompanying, without fail, the preparation of medicinal drugs, according to the Ancient Roman sources, were to be repeated 9 or 3×9 times. According to the legend, of 9 books of Cuman Siville only three escaped the destruction and accompanied them in the processions ‘ter novenae virgines’, and in the Celtic documents ‘3’ may vary with ‘27’, the combination of the numerals ‘3’ and ‘9’ is recorded in the Iran sources and German juridical texts.

Besides, we should mention that ‘9’ has a special nature. It means the full number of counting units on different levels of the decimal scale of notation. In ancient Russia the sacred-magical nature of a 27-letter Greek-Slavic alphabet where the first 9 signs meant units, the second ones – tens and the the third ones – hundreds.

Generally, the symbolic meaning of this numeral in the mythological tradition was the following: the numeral ‘ 3×9 ’ or ‘27’ going back to a day counting of the celestial month embodied the idea of a full counting set possessing a magical power which absorbed the magical properties of all its 27 “divine” reflections.

It is necessary to mention that it is possible to speak only conventionally about the nonary scale of notation. Functionally, it is not comparable with the absolutely dominating decimal scale of notation.

That is why the suggestion of to the nonary scale of notation as an alternative to the decimal one cannot be accepted.